

Бабина Елена Анатольевна

12+

НЕКРАСИВАЯ

Елена Анатольевна Бабина

Некрасивая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66194364

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ повествует о судьбе некрасивой девушки, которая не хочет и не пытается принять себя. Бездействие и самобичевание дают свои плоды: героиня становится заложницей собственных комплексов и убеждений. Сможет ли она с этим справиться?

Жизнь героини – некий фон для авторских размышлений, в чём же больший источник зла: в обществе или самом человеке? Что же больше способно навредить человеку, сделав его по-настоящему несчастным: жестокое окружение или же он сам и его искаженное, болезненное восприятие действительности?

Елена Бабина

Некрасивая

Было по-летнему душно. День словно погрузился в состояние лени и блаженной истомы. Лишь изредка живительный ветер ласкал тело и вяло колыхал ветки деревьев. На скамейке в парке сидели два человека. Один – степенный школьный учитель Михаил Анатольевич Завилов – был человек тридцати семи лет со спокойным, задумчивым лицом и слегка прищуренными тёмными глазами. Его черты были не лишены мягкости, а блуждающий взор то и дело останавливался на окружающих предметах, но, казалось, ничто не могло надолго занять его. Другой Павел Алексеевич Левицкий, человек сорока четырёх лет, был редактором местной газеты, его крупные черты и грузная фигура гармонично сочетались с неторопливостью и даже некоторой значительностью движений, а лицо приняло ироническое выражение, когда он начал внимательно рассматривать каждого прохожего. Но под внешней неуклюжестью и значительностью Павла Алексеевича скрывался нрав смелый и волевой. Этих двух людей объединяло необычное занятие изучать людей. Друзья избирали жертву своих холодных наблюдений и долго потом следили за её движениями и манерами до тех пор, пока не делали какое-нибудь открытие о сущности этого че-

ловека. Природная проницательность обоих и знания в области психологии этому способствовали. Такое занятие доставляло им особое удовольствие и неподдельный интерес. Да и кому из нас не любопытно проникнуть в тайны души этого непознаваемого субъекта – человека? В человеке есть что-то тайное и загадочное, а тайны всегда будоражили человеческие умы, ибо недоступное, как известно, всегда привлекательно. Но, увы, человеческая природа до конца непостижима, мы едва ли можем понять себя, так что куда уж нам до сложного механизма чужой души. Итак, и в этот раз оба с любопытством разглядывали людей, но никто не занимал их до тех пор пока напротив не села девушка, сразу приковавшая к себе взгляды друзей. В её напряжённой фигуре было что-то жалкое и необъяснимо отталкивающее, что сразу бросалось в глаза. Странными и неприятными казались её дикие бегающие глазки, бессмысленные суетливые движения. И взгляд у неё был растерянный, казалось, она как будто извинялась за себя. Что-то действительно необъяснимо отталкивало от неё, и причиной была вовсе не внешняя некрасивость. Да, она была далека от идеалов общепринятой красоты: маленькие раскосые недоверчивые глазки на фоне низкого лба и несимметричных бровей производили неприятное впечатление. Её волосы имели настолько светлый оттенок, что временами казалось, будто в некоторых местах они были седыми. И было что-то старчески тяжёлое и обречённое в этом юном создании, что так шло в разрез с её возрастом.

Ироническая улыбка пропала с лица Павла Алексеевича. Он почему-то слегка вздрогнул, точно его подёрнуло холодком.

– Какая странная девушка – с ленивым спокойствием обратился Завилов к своему собеседнику, – как часто она меняет позы, трогает волосы, поправляет одежду – верный признак нервозности, она явно чувствует дискомфорт

– По-моему, ничего необычного, – серьёзно и отрывисто ответил Левицкий – просто наглядный пример неуверенного в себе человека. Посмотри, как она горбит спину и сжимается, как бы создавая иллюзию своей неприметности, будто бы хочет скрыться от посторонних глаз.

– Да, действительно, но зачем же тогда в парк приходите – ухмыльнулся Завилов

– Разные ситуации в жизни бывают. Может быть дома ей ещё хуже.

Девушка начала крутить кольцо на пальце, потом скрестила на груди руки.

– Знаешь, – она напоминает мне твою двоюродную сестру.

– Да, – с тяжёлой досадой произнёс Левицкий, будто говорил о неживом человеке – такая же непривлекательная и неуверенная, она – пример того, как человек может сам искалечить себе жизнь.

Завилов выжидающе посмотрел на него и Павел Алексеевич начал свой рассказ.

– Я был старше Ольги на восемь лет. У нас с всегда были

тёплые и доверительные отношения. Пусть природа и не наделила её красивой обложкой, зато щедро наградила ранимой, чувствительной душой и глубоким умом, хоть и сама она не признавала этих достоинств. Красота часто не только портит человека, но и лишает его природного естества, то есть той самой непосредственности, которая так бесценна в человеке, так неотразимо притягивает к нему. Красота властно требует заслуженной дани и заставляет человека уделять своей персоне повышено-болезненное внимание, и это губит его естественность. Это удивительное качество тихо меркнет под принятыми масками. И что мы получаем? Плоскость, узкомыслие, лишённость глубины. Им же и поклоняемся. Жаль, что люди этого не понимают. Но моя Оля обладала этим редким достоинством, и я так любил её за это. Было в ней что-то такое трогательно-живое, что отличало её от других. Эта удивительная девочка была шустрой и непоседливой, а когда говорила, в её бодром голосе звучали нотки детского задора. Она была открыта миру и источала столько света, что все тянулись к ней. Но потом что-то произошло. Взрослея, она всё больше начинала проникаться осознанием собственной непривлекательности, да и сверстники, как ей казалось, всем своим видом ясно давали это понять. Она всегда понимала, что природа не наделила её красотой, но отчаянно не хотела признаваться себе в этом, а если даже и признавалась, то тайно лелеяла надежду, что, может быть, ей это только так кажется, а в глазах

других она выглядит иначе. Но, увы, общество вряд ли будет снисходительнее к твоей персоне, чем ты сам, напротив, оно с холодной напряжённостью выискивает твои слабости и недостатки, часто для мелочного самоутверждения. И вот уже моя Оля стала замечать на себе насмешливые и колкие взгляды. Однажды, когда в школе проводился конкурс на самую красивую девочку, она с досады решила бросить всем вызов, выдвинув свою кандидатуру. Когда Оля заявила, что будет участвовать, в классе повисла тяжёлая тишина, после послышался ехидный шепот девушек и сдерживаемый смех парней. А на перемене к ней подошла компания одноклассников, и один с дерзкой ухмылкой развязно бросил: "Слушай, Казанцева, ты же понимаешь, что ты некрасивая". И помню, сколько горьких слёз она проливала, когда приходила ко мне и делилась своей обидой. Этот случай стал целой трагедией для ранимой девушки. Хотя я уверен, что многое она драматизировала, ведь при мне все, с кем она общалась, искреннее любили Олю и очень дорожили ей. Поэтому, вероятнее всего, и все эти косые взгляды были лишь её самоунижением. Люди равнодушны, зациклены на себе и им совершенно нет дела до чужой непривлекательности. К тому же современная молодёжь всё кричит о толерантности, что как раз и предполагает принимать человека таким, какой он есть, со всеми его недостатками.

И вот подвели итоги конкурса красоты. Мисс школы стала Олина одноклассница, типичная в своей красоте, но дей-

ствительно прелестная девушка. У неё была кукольная внешность: большие выразительные глаза, густые ресницы, аккуратный миниатюрный носик и пухлые губы, всё в ней было так гармонично, что, казалось, она была самым божественным творением. Удивительным были и её яркие от природы черты лица, благодаря которым девушке совсем не требовалась косметика. Я был на том празднике. Сестра заморожённо, со слезами на глазах смотрела на всех школьных красавиц. Видно было, что в её восхищении было больше горечи за себя, за то что ей никогда не оказаться на их месте. Начали вручать дипломы тем, кто принимал участие в конкурсе. Когда на сцену вызвали Олю по залу пробежал лёгкий смех, слышался весёлый стадный шепот. Сестра, с напряжённым вниманием наблюдавшая за реакцией зала, не могла этого не заметить. Но когда она вышла на сцену, зал разошёлся ещё сильнее: по нему пробежал гул, а некоторые "смельчаки" начали выкрикивать ей колкости. Это ужасно оскорбило Олю и стало для неё очередным ударом, ударом по больному месту. Её лицо словно исказилось судорогой, а по телу пробежала дрожь негодования. Вдруг она окинула всех странным взглядом, нервно рассмеялась:

– Я некрасива и вам смешно от этого. Ну да, как же иначе, вы только ищите слабости, чтобы играть на них. Вы только умеете потехаться над чужой болью. А ведь мне никогда не узнать какво это: наслаждаться своим отражением, а не испытывать от него только ненависть и отвращение, никогда не

полюбить себя. Мне никогда не увидеть на себе восхищённые взгляды, не быть объектом чей-то симпатии и той самой прекрасной героиней романа, в которую влюбляются с первого взгляда, ведь только красота может привлечь внимание и получить соучастие читателя.

Оля говорила быстро, задыхаясь от прилива нахлынувших чувств и мыслей. Слезы застыли в её глазах. Но я чувствовал, как металось в груди её сердце, как судорожно билась каждая жилка в её теле, как каждое слово давалось ей с огромным усилием. Слова сыпались из неё градом, но порой она делала большие паузы, чтобы успокоиться и продолжить говорить.

– Я понимаю, что вы, видимо, эстеты, но смеяться над внешностью глупо, потому что человек не властен над своей природой. Мы не выбираем, какими нам родиться.

Когда Оля замолчала в зале ещё некоторое время висела гробовая тишина

Школьники были в восторге от такого неожиданного и интересного зрелища. Мало кто придал значения словам девочки. Учителя были встревожены из-за испорченного праздника.

Дальше состояние Оли только усугублялось. Она становилась всё более замкнутой, отчуждённой ото всех и уже не приходила ко мне, как раньше, изливать душу. И больно было видеть, как этот живой, лучезарный человечек всё сильнее обособлялся от мира и замыкался в себе. Она просто по-

мешалась на нелюбви к себе, вбила голову, что её внешность – это приговор. И как я мог убедить сестру, что её непривлекательность – лишь иллюзия, самовнушение, плод её убеждений? Она даже слушать меня не хотела. Оля смотрела в зеркало на свои маленькие припухшие глаза, несуществующие ресницы, большое круглое лицо

тонкие, как верёвочки, бледные губы, на проблемную кожу, в тщетной борьбе с которой она давно сдалась, и понимала, что не может себя принять. Мать тоже ничем не могла ей помочь и смотрела на дочь с сочувствием и подавленной досадой: она до последнего надеялась, что Оля, повзрослев, расцветёт, но к концу школы отчаялась увидеть дочь красивой.

Время шло. Оля стала уже ученицей одиннадцатого класса, а между тем продолжала делать успехи в саморазрушении. У неё началась паранойя по поводу внешности. Она завесила все зеркала в своей комнате, чтобы не встречаться со своим отражением. Старалась как можно меньше выходить на улицу, а если и выходила, то шла с низко опущенной головой, чтобы не встретиться ни с кем взглядом и не быть объектом чей-то внутренней насмешки. Было страшно смотреть, как человек сознательно сам себя разрушает. А ведь в действительности Оля была обычная девочка, не лучше и не хуже других, но она-то, глупая, считала себя по-настоящему безобразной и сама же выдумывала несуществующие дефекты своего тела. И эти деструктивные мысли воплощались в

реальность с беспощадной силой и делали девушку действительно дурнее.

Наконец, она заключила, что такая внешность не даёт ей права на полноценную жизнь и с мрачной торжественностью положила на себя крест. Нет, ну это же просто уму непостижимо! – рассказчик нервно рассмеялся и воскликнул. – Это юное создание, перед которым только лежит светлая, необозримая даль жизни и открыты все пути, вдруг решило смириться с потерянной жизнью. Это ж надо такое вообразить! В своей же собственной голове выдумать недостаток и опустить из-за него руки, посчитав непривлекательность клеймом на всю жизнь. Не бороться, а смириться, найти оправдание своему бездействию, а потом на протяжении всех своих лет жалеть себя, упиваясь своим страданием! Человек просто не имеет право так поступить со своей жизнью. Как можно из жизни, такой могучей, дышащей человеческой жизни добровольно не извлечь смысла и превратить её в жалкое существование? Это малодушие, самое последнее.

Собеседник, глубоко тронутый историей девочки, возразил:

– Но ведь это не её выбор. Олю сломило общество, повредило её хрупкую, ещё не до конца сформированную детскую психику. К тому же ты сам говорил, что она была очень восприимчива, поэтому так болезненно воспринимала насмешки. Отсюда и психологическая травма. Ты не имеешь права винить девочку.

– Это лишь оправдания. Глупо переносить груз ответственности за свою жизнь на общество. Да, у неё была психологическая травма, но у кого этих травм нет? Жизнь – борьба, борьба с обществом, обстоятельствами и самим собой. Мы не можем нравиться всем, но мы в состоянии завоевать уважение большинства, а для этого надо бороться. Идти к чему-то вопреки недостаткам, невзирая на насмешки. И может быть тогда, в процессе движения и бесконечной деятельности мы оправдаем своё существование в мире, то есть наполним жизнь хоть каким-то смыслом. И человек просто не имеет право дать обществу, природному изъяну определить свою жизнь. А Оля пошла именно по этому пути.

– Говорить всегда легче, чем делать. Но когда тебя положили, где же взять эти силы-то, чтобы бороться и идти дальше?

– Идти вопреки недостаткам, невзирая на насмешки. Это непросто, но за то, чтобы достойно жить нужно бороться. И может быть тогда, в процессе движения и бесконечной деятельности мы оправдаем своё существование в мире, то есть наполним жизнь хоть каким-то смыслом. Человек просто не имеет право дать обществу, природному изъяну определить свою жизнь. А Оля пошла именно по этому пути.

– И что же с ней стало?

– Дальше всё соответствовало её ожиданиям. Сестра доучилась в школе, неважно сдала экзамены и с горем пополам поступила на философский факультет. Почти так же прошла

и её студенческая жизнь: в тревогах, сомнениях и самобичевании. Старые комплексы стали осознаннее, к ним добивались новые. Однокурсники Оли, конечно, не смеялись над её внешностью, были доброжелательны и делали поползновения с ней подружиться. Сестра не сопротивлялась: у неё появились какие-то подруги, но она уже плыла по течению и относилась ко всему довольно равнодушно, в ней уже не было былого пыла и энтузиазма. Себя она так же не любила, поэтому и в институте не завоевала особого авторитета, и в жизни всегда была на последних ролях. Хорошей работы Оля так и не нашла: считала себя недостойной её и говорила, что в этом деле внешность многое решает. И, разумеется, во всех неудачах она винила свою внешность, считая её источником своих горестей. В тридцать четыре года она с огромной радостью вышла замуж за первого, кто ей это предложил и родила ребёнка, с тех пор больше не работала и стала домохозяйкой. Но и в личной жизни мою Ольеньку обошло счастье. Она внутренне считала себя недостойной хорошего мужчины и порой искреннее удивлялась, что на ней, такой некрасивой, вообще кто-то женился. Муж чувствовал это и успешно этим пользовался: он не уважал Олю и при любой возможности пытался её унижить.

Этот отвратительный человек с ничтожной душой тешил своё самолюбие за счёт беззащитной, морально сломленной женщины, потому что нигде больше не имел такой возможности.

Зная, что жена не сможет дать ему отпор, он бесстыдно упивался своей властью над ней.

В общем сейчас они всё ещё живут вместе. Оля несчастна в браке. Муж, чёрствый по натуре, холоден к ней, равнодушен к детям. К тому же он очень скуп и попрекает её каждым куском хлеба, а смотря на то, что она стала прекрасной матерью и всю себя посвятила детям.

– Может быть, в материнстве ей суждено реализовать-ся? – с надеждой спросил озадаченный и печальный Завилов

– А разве только этого достаточно для полноценного человеческого счастья? – с жаром воскликнул Левицкий – Мне кажется, в нашем современном мире, мире возможностей и изобилия, а вместе с тем и непомерно растущих человеческих потребностей, человеку требуется для счастья нечто большее, чем реализация только в одной сфере. Она как минимум могла реализовать себя и как мать, и как жена дома и как профессионал, ценный специалист специалист на работе. И ведь никто не препятствовал ей в этом; тогда, в юности всё было в её руках. Была молодость, были безграничные возможности, но она добровольно прошла мимо. Я до сих пор не могу понять, как можно было сознательно обокрасть, обделить, лишить жизни самого же себя? Поэтому я твёрдо убеждён, что наказание человека в нём самом. Самым опасным врагом человека может стать только он сам, также как и любезным благодетелем. Мы сами создаём себя и решаем, какими нам быть. Надо жить и созидать и ничто тогда не бу-

дет препятствовать нашему могучему действию, потому что весь мир у ног человека!

Солнце, сделавшееся слабым и негреющим, уже клонилось к закату. Озарённое сиянием небо в районе уходящего солнца, приняло золотой цвет, а чуть выше виднелась чистая безупречная голубизна, но уже бледная, как бы возвещающая скорое наступление ночи. Духоту сменила приятная прохлада.

Друзья до сих пор сидели в парке. Михаил Анатольевич был и опечален, и обеспокоен, и возбужден. История неудавшейся жизни юной девушки Оли Казанцевой открыла для для него что-то новое, после чего его жизнь не могла остаться прежней.